

Пенской В. В., Борисов С. Н., Липич Т. И., Липич В. В., Борисова О. С.

POLIZEISTAAT И ПОЛИЦИЯ ПРОТИВ МОРОВЫХ ПОВЕТРИЙ: РОССИЙСКИЕ ВЛАСТЬ И ЗАКОН В БОРЬБЕ С УГРОЗОЙ ЭПИДЕМИЙ В 1-Й ТРЕТИ XVIII ВЕКА

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» Минобрнауки России, 308015

Начало XVIII в. в истории Российского государства и общества ознаменовалось началом широкомасштабных преобразований Петра I. В результате этих реформ патриархальное Московское царство превратилось в «регулярную» Российскую империю, политическое, юридическое и административное устройство которой существенно отличались от прежних. Не случайно Петра I нередко именуют «революционером на троне». В своих действиях Петр I руководствовался идеей «общего блага» и идеями «регулярного» государства и *Polizeistaat*. Он почерпнул их в Западной Европе, в странах протестантского круга: Пруссии, Дании, Швеции. Одна из ведущих идей доктрины *Polizeistaat* заключалась в проведении государством активной политики по формированию общества всеобщего благоденствия, которое предполагалось достичь за счет активного вмешательства власти в повседневную жизнь подданных, ее регламентацию и регулирование посредством разного рода регламентов, инструкций и наставлений. Регулярная, правильно устроенная полиция выступала одним из важнейших инструментов такого вмешательства, имевшего своей конечной целью создание условий для роста благосостояния подданных и их числа. Этот рост численности подвластного населения достигался и за счет создания системы мер по предотвращению эпидемий и их последствий. В данной статье авторы, опираясь на материалы петровского законодательства, реконструируют ход постепенного формирования в петровской России санитарного законодательства.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Раннее Новое время; *Polizeistaat*; Россия; Петр I; реформы; эпидемии; санитарно-эпидемиологическое законодательство

Для цитирования: Пенской В. В., Борисов С. Н., Липич Т. И., Липич В. В., Борисова О. С. *Polizeistaat* и полиция против моровых поветрий: российские власть и закон в борьбе с угрозой эпидемий в 1-й трети XVIII века. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023;31(спецвыпуск 1):756–764. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-756-764>

Для корреспонденции: Пенской Виталий Викторович; e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Penskoy V. V., Borisov S. N., Lipich T. I., Lipich V. V., Borisova O. S.

POLIZEISTAAT AND POLICE AGAINST PESTILENCE: RUSSIAN AUTHORITIES AND LAW IN THE FIGHT AGAINST THE THREAT OF EPIDEMICS IN THE 1ST THIRD OF THE 18TH CENTURY

Belgorod State National Research University, 308015, Belgorod, Russia

The beginning of the 18th century in the history of the Russian state and society was marked by the beginning of large-scale transformations initiated by Peter I. As a result of these reforms, the patriarchal Moscow kingdom turned into a “regular” Russian empire, the political, legal and administrative structure of which differed significantly from what it was before. It is no coincidence that Peter is often referred to as a «revolutionary on the throne.» In his actions, Peter was guided by the idea of the “common good” and the ideas of the “regular” state and *Polizeistaat*. He drew them in Western Europe, in the countries of the Protestant circle — Prussia, Denmark, Sweden. One of the leading ideas of the *Polizeistaat* doctrine was the state’s active policy to form a welfare society, which was supposed to be achieved through the active intervention of the authorities in the daily life of citizens, its regulation and regulation through various regulations, instructions and instructions. A regular, properly organized police force was one of the most important instruments of such intervention, which had as its ultimate goal the creation of conditions for the growth of the well-being of subjects and their number. This growth in the number of subject population was also achieved through the creation of a system of measures to prevent epidemics and their consequences. In this article, the authors, relying on the materials of the Petrine legislation, reconstruct the course of the gradual formation of sanitary legislation in Petrine Russia

К е у о р д с : Early New Age; *Polizeistaat*; Russia; Peter I; reforms; epidemics; sanitary and epidemiological legislation

For citation: Penskoj V. V., Borisov S. N., Lipich T. I., Lipich V. V., Borisova O. S. *Polizeistaat* and police against pestilence: Russian authorities and law in the fight against the threat of epidemics in the 1st third of the 18th century. *Problemi socialnoi gigieni, zdravookhranenia i istorii meditsini*. 2023;31(Special Issue 1):756–764 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-756-764>

For correspondence: Vitaly V. Penskoj; e-mail: penskoy@bsu.edu.ru

Source of funding. This study was not supported by any external sources of funding.

Conflict of interest. The authors declare no apparent or potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Received 27.02.2023

Accepted 28.04.2023

Введение

Победа под Полтавой стала поворотным моментом Великой Северной войны, «трехвременной школы» для рождающейся в ее пламени Российской империи. Поражение Карла XII имело своим следствием не только разгром его главной армии, но и катастрофическое падение военной мощи Шведского королевства и его способности удерживать в сво-

их руках «заморские» владения Стокгольма на берегах южной и восточной Балтики. Развивая свой успех, русская армия под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева осенью 1709 г. осадила Ригу — стратегически, экономически и политически важный город в Лифляндии.

Однако осада эта началась в недобрый час — шведская Ливония к тому времени была поражена

чумой, первые случаи которой были замечены в Польше еще в 1702 г., но главная ее волна поднялась 7 годами позже и поразила Польшу, Пруссию, Великое княжество Литовское и добралась до шведских владений в восточной Прибалтике летом—осенью 1709 г., откуда перебралась в Швецию и Финляндию, ударила по Дании и северной Германии, а затем перешла во владения Габсбургов. Смертельный эффект от чумы был усилен крайне холодной зимой 1708/1709 гг., эпидемиями тифа и оспы, последствиями военных действий и голодом. Эта «Великая чума» была, судя по всему, частью чумной пандемии, затронувшей немалую часть Евразии — от Средней Азии до Средиземноморья и Европы, Центральной и Северной. Источником, откуда моровое поветрие перекинулось в Европу, был, по всей видимости, Стамбул и османские владения в юго-восточной Европе — на протяжении всего последующего XVIII (и не только его) века турецкие владения были тем «резервуаром», откуда чума раз за разом совершала свои опустошительные набеги на соседние земли. Последствия этих инвазий были весьма значительны, однако не достигали такого катастрофического размаха, как в середине XIV в., во время знаменитой «Черной смерти». И связано это было не столько с успехами медицины — она так и не научилась к тому времени успешно бороться с болезнью, — нет, здесь, скорее, стоит вести речь об успешных (относительно, конечно) мерах, которые предпринимались раннеמודерными государствами Европы в борьбе с этой смертельной болезнью.

Методология

Мы не случайно сделали оговорку относительно той роли, которую сыграли раннеמודерные государства в противостоянии Великой чуме 1708—1713 гг. Жесткие карантинные меры, привлечение к борьбе с эпидемией армии и полиции, выделение значительных средств для найма дополнительного медицинского персонала, строительства госпиталей и карантинных заведений и пр. — эти мероприятия, проводимые в жизнь с невиданной до этого энергией, решимостью и последовательностью, позволили снизить разрушительный эффект поветрия. И эти энергичность и решимость были обусловлены теми изменениями, которые произошли в политическом, административном и правовом устройстве европейских монархий на протяжении раннего Нового времени.

Их развитие происходило с середины XV в., когда, по мнению французского историка Ф. Броделя, начался «долгий XVI век», до начала Великой чумы, ознаменовавшийся значимыми переменами. Рыхлое, неконсолидированное, раздираемое внутренними противоречиями и партикуляризмом средневековое государство к середине XVII в. окончательно было заменено на значительно более крепкие и устойчивые, хотя и основанные по большей части на компромиссе между верховной властью, локальными элитами и влиятельными «корпорациями» (цеха, гильдии, религиозные структуры и

пр.) «лоскутные» (или «составные», «composite») государства. А дальше, не в последнюю очередь под влиянием непрерывных войн и конфликтов, сотрясавших Европу на протяжении всего XVII в., «лоскутные» европейские государства постепенно трансформировались в военно-фискальные «регулярные» абсолютистские монархии — Ancien Régime. Их североευропейский протестантский вариант нередко именуют «полицейскими» (Polizeistaat), и на это есть веские основания.

Американский историк М. Рафф, характеризуя Polizeistaat, отмечал, что его возникновение было связано с процессами Реформации и последовавшей за ней конфессионализации. Реформация, «устранив церковь как основного соперника в борьбе за власть, позволила светскому правителю превратиться в единственный источник всей регулирующей власти на территории его владений» [1, С. 50]. Однако, удалив церковь из политической жизни (или, на худой случай, сведя ее политическое влияние к минимуму) и подчинив ее своей власти, раннеמודерные монархии поневоле оказались перед проблемой, за которую ранее отвечала церковь, — если последняя теперь не могла больше всецело нести ответственность за управление религиозной и духовной жизнью общества и моральный контроль за ним, то теперь именно «светский правитель должен был действовать таким образом, чтобы моральная цель, поставленная перед обществом христианством, сохранялась и получала дальнейшее развитие» [1]. При этом эта моральная цель (спасение душ подданных) являлась составной частью общего политического курса раннеמודерных государств, которым приходилось действовать в обстановке жесткой политической конкуренции с соседями.

Как результат, продолжал М. Рафф, «Каждое государство, большое или маленькое, старалось как можно больше полагаться на свои собственные ресурсы — с тем, чтобы обеспечить свою военную и политическую систему и свой двор необходимыми средствами с целью максимального усиления своей собственной власти и устранения или ограничения соответствующих возможностей своих соседей. Результатом всего этого стала совокупность политических мер, известных под названием камералистики и меркантилизма — мер, направленных на аккумуляцию денежных ресурсов с целью достижения самообеспеченности посредством государственных субсидий, контроля и протекционистских мер» [1, С. 52].

Завершая свои построения, историк указывал на то, что «теоретическое обоснование данной концепции деятельности правительства представляет собой интересный гибрид духовного и материального (или светского) — гибрид, вполне подходящий протестантизму (от себя заметим, что с течением времени, по мере нарастания секуляризационных тенденций в политической и социальной жизни, вторая составляющая постепенно начинает доминировать над первой, и чем дальше, тем в большей степени — Авт.). Отправной точкой здесь является понятие

долга правителя в отношении обеспечения и защиты духовной жизни его подданных, обеспечения для них жизни, подобающей истинным христианам, и подготовки их душ к спасению» [1, С. 52—53]. Наконец, адепты доктрины *Polizeistaat* полагали, что «сильное независимое правительство и могущественный правитель являются необходимыми предпосылками для духовного и материального благосостояния подданных; подразумевалось, что счастье последних равнозначно максимальному использованию творческого потенциала государства богоугодным образом» [1, С. 53].

Подобного рода рассуждения и практики не могли не привести к закономерному результату, который М. Раефф охарактеризовал в следующих выражениях: «В результате изменились традиционные полномочия правительства (т. е. органа управления): *на смену пассивной обязанности поддержания законности пришла активная, динамичная задача развития производительной энергии общества и создания для этого надлежащей институциональной основы* (здесь и далее выделено нами — Авт.)» [1, С. 54]. Нетрудно заметить, что в выделенной фразе в краткой форме выражено политическое и административное кредо Петра I. Принять подобного рода доктрину ему было довольно просто, ибо в самой природе раннемодерной русской государственности эти идеи, пусть и не в такой четкой форме, были заложены как минимум со времен Ивана III. Мотив ответственности государя за духовное здоровье своих подданных и сбережение и размножение врученного ему как доброму пастырю от Господа «стада Христова» звучит в произведениях русских книжников, по преимуществу клириков, с завидным постоянством — достаточно вспомнить адресованное Ивану III «Послание на Угру» архиепископа ростовского Вассиана или не менее знаменитое послание псковского инок Филофея Василию III. Забота о подданных была одним из условий лояльности подданных московскому государю, отмечала американский историк Н. Ш. Коллманн [2, С. 522], и при институциональной слабости государства, его неспособности всецело контролировать общество и навязывать ему свою волю [3] этот фактор приобретал особую значимость. Государь, который пренебрегал своими подданными, не заботился о них и не прислушивался к их чаяниям и мольбам, терял в глазах «земли» свою легитимность, а вместе с ней — и саму власть (не исключено, что и вместе с головой — Смута дает нам примеры такого исхода). В XVII в., в особенности во 2-й его половине, в России происходили процессы, схожие с теми, что имели место столетием ранее в северной Германии. И хотя церковная реформа, затеянная при поддержке царя Алексея Михайловича патриархом Никоном из самых лучших побуждений, привела совсем не к тем результатам, на которые рассчитывали ее зачинатели, тем не менее Раскол как следствие реформы существенно ослабил позиции церкви и в отношениях с верховной властью, и в обществе. Теперь монарх еще больше, чем когда либо, нес ответственность перед Богом за

своих подданных — раз патриарх теперь уже не имел того влияния и власти, которой он пользовался еще при первом царе династии Романовых.

С конца XV в. в России складывалась характерная система отношений между государем и подданными, которая определила на века лицо русской государственности. Отечественный историк Ю. Г. Алексеев, описывая ее особенности, отмечал, что образовавшееся во 2-й половине XV в. Русское государство «можно назвать *земско-служилым* — русским вариантом централизованной монархии позднего средневековья». Фундаментом этого земско-служилого государства «явились *служилые отношения и общинные институты, пронизывающие весь строй жизни России*». И далее, завершая свою мысль, Ю. Г. Алексеев отмечал, что «обязанность государственной службы, т. е. службы Отечеству, воплощаемому в лице государя всея Руси, вытекала из всего бытия Русского государства и определялась, с одной стороны, объективной необходимостью иметь сильное, дееспособное государство, способное отстоять независимость и целостность России, с другой же стороны — *патернализмом как основной формой отношений между главой государства и его подданными*» [4, С. 431—433].

Мы не случайно выделили в последней фразе именно это место, в котором говорится о патернализме как основе отношений между государем и подданными. Такого рода отношения, характерные для традиционалистских аграрных обществ «Первой волны», предполагали особую ответственность со стороны государя за жизнь подданных, которые выступали в роли младших членов большой патриархальной семьи. Для Петра I такое отношение было в особенности характерным — будущий император, судя по всему, был убежден в том, что его призвал Господь для того, что чтобы пролить свет знания на темных, косных и ленивых русских людей, толкать их к новой жизни, даже используя насилие. Царь так и писал в одном из своих указов, что русский народ «яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят...» [5, С. 150]. Петр I искренне полагал, что Господь возложил на него труднейшую обязанность вывести Российское государство на дорогу европейской цивилизации и что он должен личным примером показать своим подданным, как нужно трудиться и действовать, чтобы догнать европейцев и быть не хуже их. Однако царь был один, и он не мог быть одновременно во многих местах, и потому, чтобы личный пример монарха не остался втуне, Петр I решил задействовать всю мощь государственного аппарата принуждения и контроля за подданными. Принимая же во внимание, что связи России именно с протестантскими странами были не в пример основательнее и прочнее, нежели с католическими, и то, что между концепциями отношений между властью и подданными в России и в странах протестантского мира можно найти немало параллелей, стоит ли удив-

ляться тому, что доктрина *Polizeistaat* пришлась по сердцу первому русскому императору?

Обсуждение и результаты

Из сказанного выше нетрудно сделать вывод о том, что изучение проблем, связанных с формированием и развитием доктрины *Polizeistaat* в Европе и в России эпохи раннего Нового времени, может и должно пролить яркий свет на особенности эволюции раннемодерной государственности. Между тем именно эта отрасль историко-юридической науки и тем более применительно к развитию системы мер, в том числе законодательных, по борьбе с всевозможными эпидемиями — бичом тогдашнего общества, не получили должного развития. Связано это было в первую очередь с тем, что, как отмечал российский социолог О. В. Кильдюшов, «понятию «полицейское государство» очень не повезло с должной социально-теоретической рефлексией в XX в.: его специальная концептуальная разработка была как бы избыточна уже из-за того, что оно определялось *ex negativo*, т. е. как отсутствие «правового государства», выступая его политическим антиподом». В результате, продолжал он, «в массовом — как общественном, так и академическом — сознании проблема определения обычно решается посредством простой оппозиции «полицейское государство» vs. «правовое государство». Более того, неразработанность проблемы привела, по справедливому замечанию исследователя, к тому, что «в представлениях многих нынешних политиков, публицистов и социальных теоретиков «полицейское государство» есть не что иное, как синоним современной диктатуры «тоталитарного» типа» [6, 9]. В итоге, по его справедливому замечанию, о пресловутом «правовом государстве» существует море литературы, но о государстве полицейском, его предназначении и функциях (весьма многообразных, надо сказать, и это будет показано далее — *Авт.*), к сожалению, — нет [6, 12]. И если не исследованы и неразработаны толком общетеоретические вопросы, связанные с происхождением и развитием *Polizeistaat*, равно как в зарубежной, так и тем более в отечественной литературе, то что тогда говорить о частных вопросах — таких, как интересующий нас вопрос о той роли, которую сыграло *Polizeistaat* в борьбе с эпидемиями в раннее Новое время? Отдельные публикации, в которых дается анализ основ государственно-правового регулирования здравоохранения в России в начале XVIII в., есть, но они, как правило, касаются общих вопросов регламентации работы сферы оказания медицинской помощи и услуг населению [7], но не затрагивают проблем, связанных с организацией противодействия эпидемическим и иным заболеваниям, вообще или касаются их мимоходом. Попробуем пролить некоторый свет на эту проблему, используя документы того времени и некоторые исследования, в которых затрагиваются вопросы, связанные с деятельностью *Polizeistaat* и полицией как его непременным атрибутом и инструментом.

Наш анализ мы начнем с работы французского философа М. Фуко «Безопасность, территория, население». В этом и ряде других исследований М. Фуко обратил внимание на ту роль, которую сыграли *Polizeistaat* и полиция в формировании современного государства и общества. «Именно его работы, посвященные техникам контроля над жизнью (биополитике), серьезно повлияли на воззрения многих современных исследователей на полицию и современное управление в эпоху модерна в целом», — отмечал российский социолог О. В. Кильдюшов [6, С. 12].

Касаясь доктрины *Polizeistaat* и тех задач, которые должна решать в нем полиция как один из его важнейших инструментов, М. Фуко отмечал, что первая задача полиции — всемерное содействие приросту населения государства. «Сила государства зависит от числа его жителей: этот тезис, очевидно, формулируется уже в Средние века и повторяется в XVI столетии, — писал М. Фуко, — но в XVII в. он начинает принимать точное значение в той мере, в какой сразу же ставится проблема знания о том, сколько людей действительно необходимо и какое соотношение должно быть между количеством людей и протяженностью территории, богатствами, чтобы сила государства могла возрастать наилучшим и наиболее верным способом». И далее М. Фуко цитирует слова аббата Флери, обращенные к будущему королю Людовику XV, воспитателем которого он был: «Нельзя осуществлять правосудие, вести войну, поддерживать финансы и т. д., если нет излишка живых, здоровых и миролюбивых людей. Чем больше их, тем легче остальное, тем могущественнее государство и принц» [8, С. 419]. Вторая задача полиции, согласно доктрине *Polizeistaat*, состояла в том, чтобы гарантировать подданным необходимые для их нормальной жизни условия. И снова М. Фуко цитирует аббата Флери: «Государь — это отец: он кормит своих детей, изыскивает средства предоставить народу пищу, одежду, жилье, тепло» [8, С. 420]. Согласитесь, что в словах наставника будущего французского монарха легко найти параллели с теми идеями, которые циркулировали в русском обществе раннего Нового времени. Достаточно привести строки из сочинения первого русского камералиста Ивана Посошкова: «Царю паче помещиков надлежит крестьянство беретчи, понеже помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые и крестьянское богатство — богатство царственное, а нищета крестьянская — оскуднение царственное. И того ради царю яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто во убожество не вхходил, но вси бы по своей мерности изобилны были» [9, С. 182—183].

Но есть еще и третья задача полиции в «правильно устроенном» государстве («well-ordered» — такой термин бытовал, к примеру, в английском политическом «дискурсе» раннего Нового времени), продолжал дальше Фуко, а именно забота о здоровье подданных. Эта забота, отмечал он, состояла не только в том, чтобы поддерживать жесткие каран-

тинные меры в случае эпидемии той же чумы. Нет, полиции вменялось в обязанность в *Polizeistaat* заботиться о *повседневном здоровье*. «Необходимо, следовательно, заботиться обо всем том, что может способствовать болезням вообще», — писал французский философ, — а именно, «главным образом в городах, воздух, насыщенный кислородом, проветривание, все это, разумеется, связано с теорией миазмов, и перед нами целая политика нового оснащения, нового городского пространства, которое будет подчиняться, обустриваться в соответствии с принципами заботы о здоровье: расширение улиц, рассеивание элементов, которые могли порождать миазмы и отравлять атмосферу, мясных лавок, кладбищ, мест для бойни скота...» [8, С. 421].

Подводя общий итог своим рассуждениям о месте и роли полиции в европейском *well-ordered Polizeistaat*, М. Фуко подытоживал: «Полиция — это совокупность действий и средств, обеспечивающих эффективную полезность просто жизни, чуть лучшей жизни, сосуществования для накопления и увеличения сил государства» [8, С. 423]. И далее М. Фуко приводит определение главной цели полиции, принадлежащее немецкому камералисту XVIII в. И.Г.Г. фон Юсти: «Полиция — это совокупность законов и правил, которые касаются внутренней жизни государства, которые нацелены на укрепление и увеличение его могущества, на правильное использование его сил и наконец, на дарование счастья подданным» [8, С. 424]. Добавим к этому определение, которое дает современный отечественный исследователь феномена *Polizeistaat* А. Ф. Филиппов: «Полицейское государство как идея организации деятельности людей ради общего блага находится в сложной связи с прошлым и будущим. Так или иначе она сопрягается с *заботой о физическом и нравственном здоровье*, с противодействием разного рода порче и со своеобразным преломлением старого принципа справедливого и правильного порядка, при котором все находится на своем месте» [10, С. 340].

Петр I, убежденный этатист и сторонник камерализма, несомненно, подписался бы под приведенными выше словами И.Г.Г. фон Юсти, тем более что они вполне соответствовали тому образу идеального государства, которое он пытался построить. В этом его идеальном *well-ordered* государстве, как писал русский историк М. М. Богословский, «подданный не только был обязан нести установленную указами службу государству, он должен был жить не иначе, как в жилище, построенном по указанному чертежу, носить указное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указных местах лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбище, предварительно очистив душу покаянием в указные сроки...» [11, С. 12—13]. Эта мелочная зарегулированность — характернейшая черта *Polizeistaat*. Как отмечал отечественный исследователь Н. С. Нижник, «тотальная регламентация общественной жизни — атрибут полицейского государства» [12,

С. 125]. И правильно устроенной полиции как важнейшему инструменту в руках власти, которая должна была принести счастье его подданным и способствовать их приумножению, отводилась в его планах отнюдь не последнее место.

К созданию отечественного аналога *Polizeistaat* и полиции как его непререкаемого атрибута Петр I приступил довольно поздно, после своего возвращения из второго вояжа в Европу в 1716—1717 гг. К этому времени исход Северной войны уже не вызывал сомнений, не нужно было в пожарном порядке латать возникающие то здесь, то там дыры в государственном корабле, был накоплен определенный опыт преобразований и в самой России, и состояния дел с государственным управлением за ее пределами, прежде всего в северогерманских государствах, Дании и Швеции. Теперь весь этот опыт и эти знания необходимо было обобщить, систематизировать и, приведя к некоему единому знаменателю, выстроить модель русского «регулярного» государства.

Пожалуй, первое развернутое определение тех обязанностей, которые возлагались на полицию Петром I, содержалось в обнародованных 25.05.1718 «Пунктах, данных С.-Петербургскому Генерал-Полицеймейстеру». Учреждая «для лучших порядков» в новой столице должность генерал-полицеймейстера, Петр I озабочился составлением для него соответствующей инструкции, нормами которой он должен был руководствоваться в своей деятельности. Столичному полицмейстеру, помимо всего прочего, вменялось в обязанность смотреть за тем, чтобы в городе все улицы и переулки содержались в чистоте, были сухи и свободны для проезда, равно как и берега Невы и ее протоков были укреплены и расчищены для того, чтобы вода имела по ним свободный ход. Само собой, полицмейстер должен был следить за тем, чтобы все городские строения «были регулярно построены, по Его Царского Величества Регламенту» и чтобы «улицы и переулки были равны и изрядны».

Ведению полицмейстера, по требованию Петра I, подлежали и вопросы, связанные с торговлей провиантом, — полицмейстер должен был следить за тем, чтобы в Петербурге «отнюдь нездорового какого съестного харчу не продавали, а паче вредительного чего, но все б держали здоровое». Само собой, полицмейстер и его подчиненные должны были принуждать городских обывателей поддерживать чистоту улиц, переулков, рынков и торговых рядов в них, а также мостов. Обыватели под страхом «жесточких штрафов» обязаны были регулярно убирать мусор «пред своим двором», свозя его в указанные места и ни в коем случае не сваливать мусор и всякие отходы в реку равно зимой и летом (понятно почему — и чтобы не засорять реку, и во избежание болезней ибо в отсутствие водопровода воду брали в Неве) [13, С. 570]. Нетрудно заметить, что тщательное соблюдение этих указаний должно было в немалой степени способствовать поддержанию чистоты и порядка в городе и тем самым препятство-

вать распространению заразных болезней, особенно если учесть, что генерал-полицейстеру вменялось следить за тем, чтобы по городу не шатались бродяги, нищие и прочие гуляющие люди, которые по определению являлись потенциальными переносчиками инфекций.

Внимание, которое уделено было Петром I в этой инструкции вопросу поддержания должного уровня санитарно-эпидемиологической безопасности новой столицы Российского государства, отнюдь не случайно. Уровень развития тогдашней медицины не позволял надеяться на сколько-нибудь успешное противостояние эпидемиям в том случае, если она началась. Оставалось уповать только на превентивные меры, которые не позволили бы ей получить широкое распространение. С одной стороны, это был традиционный карантин (так, в марте 1711 г. для недопущения проникновения морового поветрия из Прибалтики и с Малороссии были учреждены карантинные заставы на южных и западных подступах к Москве [14, С. 649]), а с другой стороны, Петр I всерьез озаботился разработкой системы санитарно-гигиенических мер их соответствующего правового обоснования, применение которых позволило бы избежать возникновения эпидемий.

Наброски комплекса юридических норм в инструкции генерал-полицейстеру, которые должны были содействовать поддержанию должного уровня санитарно-эпидемиологической безопасности в столице, получили продолжение в сенатском указе от 18.06.1718 «О соблюдении порядка и чистоты по городу Санктпетербургу и о взимании штрафов за нечищение домовых труб и за продажу в рядах и в других местах порченных съестных припасов» [15], изъятии и отправке на работы гулящих людей, бродяг и нищих, в котором отдельно оговаривались карательные меры против тех домохозяев, возле домов которых «многое скаредство и мертвечина валяется» [16], дополненный двумя днями позже царским указом о поимке нищих [17]. 03.09.1718 этот указ был дополнен еще одним, который подробно расписывал порядок уборки мусора, мертвечины и прочего скаредства городскими обывателями [18]. Регулированию работы столичных рынков, на которых продавали провиант, и поддержанию на них порядка и чистоты был посвящен отдельный царский указ от 15.11.1718 [19].

Вслед за столицей полиция учреждалась и в Москве. Соответственно, Петр I беспокоился и о составлении надлежащей инструкции для московского обер-полицейстера (датированной 09.07.1722) — инструкции не в пример предыдущей более обстоятельной и подробной (48 пунктов, тогда как инструкция петербургскому полицмейстеру содержала только 13 пунктов). По мнению отечественного исследователя АН. Васильева, это было связано с тем, что Москва находилась на значительном удалении от новой столицы государства, и Петр I полагал, что он не может оперативно реагировать на возникающие у московского полицмейстера вопросы, тогда как сам царь требовал, чтобы во всех неясных случа-

ях решение принималось только им и никем больше [20, С. 12]). И снова, как и в Петербурге, московскому полицейскому начальнику предписывалось смотреть настрого за соблюдением чистоты и порядка в городе, «понеже многий помет и мертвечина валяется по улицам». «Того ради каждому жителю против своего двора, — говорилось дальше в инструкции, — такожде в рядах и в рынках и в прочих местах велеть иметь чистоту, и сор чистить и возить на указное место, чтоб никакого помета и мертвечины по улицам не валялось» [21, С. 731]. Само собой, полицмейстеру вменялось в обязанность следить за порядком и чистотой на рынках и в торговых рядах, в особенности там, где забивался скот и производилась продажа мяса мясных продуктов. Стоит отметить, что инструкцией предписывалось беспощадно наказывать торговцев залежалым и испорченным товаром, в особенности рецидивистов, и порядок и характер наказания был снова не пример более тщательно расписан, нежели в инструкции петербургскому полицмейстеру: «А ежели также залежалые мяса и рыбы у кого найдутся: и оные взять от них, бросать собакам, или велеть закопывать в землю во особливом месте где пристойно, а таковых, у кого для продажи явится какая мертвечина: и за то таковых вместо смерти бив кнутом и вырезав ноздри ссылатъ на каторгу на урочные лета» [21, С. 731—732].

Отдельным пунктом в инструкции прописывалось полицмейстеру «всяких чинов жителям объявить, ежели у кого в домах кто залежит болезнию горячкою: и о тех болезнях, и сколько у кого человек залежит, тех домов хозяевам объявлять в Полицейстерской Канцелярии без замедления», в противном же случае виновники распространения поветрия должны были быть жестоко наказаны [21, С. 734—735]. Стоит заметить, что этот пункт в полицейстерской инструкции появился впервые и стал важным новшеством в развитии санитарного законодательства в раннемодеерной России. Положения инструкции московскому полицмейстеру были дополнены и развиты в обнародованной в декабре того же года инструкцией московской полицмейстерской конторе [22].

Вместе с тем полиция как «регулярное» учреждение на первых порах была заведена лишь в двух крупнейших городах Российского государства, и до создания ее в остальных городах должно было пройти еще немало время (указ императрицы Анны Иоанновны, согласно которому полиция заводилась в 23 городах империи, был обнародован 23.04.1733 [23], и действовать эта полиция должна была на основании инструкций, составленных на основе тех петровских регламентов, которые определяли порядок действий и сферу ответственности московской и петербургской полиций). В ее отсутствие с опасностью со стороны моровых поветрий всякого рода должны были бороться местные власти. Петр I стремился ввести все и вся в рамки, определенные законом (как писал он в указе от 17.04.1722 «О хранении прав гражданских», «сим

указом яко печатью все уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов, и не точно решить, ниже в доклад вписывать», если же соответствующего регламента не существовало или закон представлялся темным и неясным, то надлежало подготовить соответствующий доклад царю и, отправив его к нему, ждать, «по тех мест, пока от нас оно опробован напечатан и к регламентам присовокуплен будет» [24, С. 656—657]), и не мог пускать дело на самотек.

Порядок действий администраторов на случай появления поветрия на вверенной их попечению территории долгое время Петром I не был подробно расписан, и первые губернаторы и воеводы должны были, судя по всему, руководствоваться здравым смыслом и традицией. Отдельные указы, издававшиеся по конкретным случаям, влияния не оказывали. На этом этапе Петра I больше волновали вопросы, связанные со сбором работных людей и с обеспечением армии и флота рекрутами, деньгами, провиантом и фуражом. Такое положение продолжалось долго — в январской 1719 г. инструкции воеводам речь снова шла о все тех же вопросах, а поветрия если и упоминались, то только в связи с тем уроном, который они наносили фискальному интересу государства [25]. Точно так же обстояло дело и в инструкции земским комиссарам [26]. Правда, в воеводском наказе была примечательная оговорка насчет того, что воеводы должны были смотреть за тем, чтобы «Земская Полиция Царского Величества правость и высокость ни в чем от подданных, ниже от посторонних не была нарушена», и «все в городах и в уездах в надлежащем порядке содержать» [25, С. 626, 627]. В данном случае «Земская Полиция» есть ничто иное, как общий порядок управления [27, С. 297], и, принимая во внимание петровскую страсть все регламентировать и подробно расписывать, стоило ожидать, что данное положение будет подробно расшифровано.

Выстраивание хранины *Polizeistaat* — дело непростое и долгое, так что ждать пояснений относительно того, как надлежит поступать в том случае, если вверенной их попечению территории угрожает мор, воеводам пришлось ждать почти 2 года. 14.12.1720 белгородскому воеводе была направлена инструкция, один из пунктов которой гласил, что ему в обязанность вменялось «накрепко проведывать» о том, не появилось ли в соседних странах где-либо моровое поветрие, и при появлении соответствующих известий «в пристойных местах учинить заставы крепкие» и задерживать на тех карантинных заставах приезжих из подозрительных мест. Если же карантинные меры на въезде в провинцию не давали результата и поветрие проникало внутрь вверенной воеводе территории, то ему предписывалось «оное место немедленно запереть, и отовсюду с оным коммуникацию пресечь, и в пристойных местах, против вышписанного же утвердить крепки караулами как возможно», известив об этом администрации соседних провинций, губерний и, само

собой, столицу. С очагами мора поступать воеводе велено было следующим образом: «В которых домах та болезнь явится: и те дома, выведчи из них людей в особия пустыя места, велеть сжечь с лошадьми и скотом и со всякою рухлядью». «Для большего страха, — продолжал дальше Петр I, — чтоб за тем объявлением никто не смел в те заповетренные места и из тех мест прокрасться, по знатым дорогам, где приезд бывает, поставить виселицы», и на тех виселицах нарушителей карантина «всех вешать, не описываясь» [28, С. 271—272].

Развивая положения, которые содержались в инструкции белгородскому воеводе, Петр в декабре 1720 г. направил администраторам пограничных городов инструкцию «О мерах и распоряжениях для недопущения из-за границы морового поветрия». Меры по предотвращению возникновения очагов морового поветрия, которые были прописаны в инструкции 14.12.1720, теперь распространялись на все приграничные территории [29]. До логического завершения (насколько это было возможно по тем временам) система мер по предотвращению распространения «прилипчивых» болезней была доведена уже после смерти Петра I, при его внуке Петре II. 12.09.1728 Верховным Тайным Советом был «апробован» «Наказ Губернаторам и Воеводам и их Товарищам», 38-й пункт которого был посвящен моровым поветриям, которые могли объявиться на вверенной попечению губернаторов и воевод территории, и мерам противостояния им. Администраторам предписывалось, буде такая болезнь объявится в пределах их губернии или провинции, о том немедленно известить Сенат или находившуюся в Москве Сенатскую кантору. Тем временем сами губернаторы и воеводы через докторов или лекарей должны определить, с чем именно приходится иметь дело, и после этого ввести жесткий карантинный режим [30, С. 107—109], основы которого были прописаны ранее, в петровских инструкциях 1720 г., с соответствующим дополнением и расширением.

Карантинные меры, подробнейшим образом расписанные в «Наказе», вводились тогда, когда инфекция уже появилась. Однако верховники, как и Петр I, полагали, что лучше предупредить болезнь, нежели потом пытаться ее остановить. Поэтому существенное место в инструкции занимало регламентирование мер по организации надлежащего санитарно-эпидемиологического контроля в губерниях и провинциях. Эти меры включали в себя регулярную уборку мусора и прочих отходов («навозу и всякого сору, помету и мертвечины») в местах проживания людей и торговли, контроля за продажей съестных припасов («дабы отнюдь никакого нездорового и вонючаго харчу, мяс и рыбы не продавали»), запрет на сброс мусора в реки и пр. [30, С. 110]. В целом «Наказ», «апробованный» верховниками, был существенно подробнее, нежели предыдущие инструкции губернаторам и воеводам, выступив своего рода венцом развития российского санитарного законодательства эпохи реформ начала XVIII в.

Выводы

На протяжении своего долгого правления (1682—1725 гг., реально с 1696 г.) Петр I приложил огромные усилия для преобразования патриархального Московского царства в раннемодерную Российскую империю. Его преобразования затронули все основные сферы деятельности государства и изменили лицо Российского государства. В своих деяниях первый русский император руководствовался идеями «общего блага», которые он модернизировал с учетом позаимствованных в Европе, прежде всего в северной Германии и Швеции, идей камерализма и *Polizeistaat*. Эти идеи предполагали, что государство (персонифицированное в лице правящего монарха) посредством активного вмешательства в жизнь своих подданных через правовую регламентацию ее основных сторон создаст систему «регулярного» управления, которое действовало бы в интересах общего блага и благополучия каждого подданного.

Это вмешательство и регламентация предполагали, с одной стороны, формирование сети регламентов, инструкций и предписаний, которые формировали бы «коридор», внутри которого надлежало действовать как властным структурам, так и рядовым подданным, а с другой — совершенствование собственно инструментов воздействия со стороны государства на подданных. Особая роль в этом отводилась администраторам и полиции как инструменту, посредством которого коронная администрация достигала бы конечной цели своей деятельности.

Одной из задач этой деятельности являлось создание условий, которые обеспечивали бы рост как численности населения, так и его благосостояния. С этой целью верховная власть, руководствуясь идеей «общего блага», всерьез озаботилась борьбой с эпидемиями. Наряду с традиционными карантинными мерами, набор которых устоялся с давних пор, теперь большое внимание уделялось созданию системы регламентов и предписаний, которые позволили бы поддерживать в местах проживания людей, в особенности в городах, благоприятную санитарно-эпидемиологическую обстановку.

Петр I, выстраивая со 2-й половины 1710-х гг. «храмину» отечественного «регулярного» государства, в серии своих регламентов, инструкций и наказов попытался создать системы правовых норм, руководствуясь которыми власти на местах, губернаторы, воеводы и полицейские начальники могли эффективно, на законных основаниях, бороться с эпидемиями. Особое внимание Петр I уделил регулированию вопросов, связанных с поддержанием благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки в городах как местах крупного скопления людей и идеального места для стремительного распространения разного рода поветрий. По существу, можно говорить о том, что при Петре I были заложены основы санитарного законодательства.

Авторы заявляют об отсутствии внешних источников финансирования при проведении исследования.

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Раефф М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII—XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Самара; 2000. С. 48—79.
2. Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.; 2016. 616 с.
3. Петров К. В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С. Н. Кистерева «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. 2008. Вып. 12. С. 365—382.
4. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.; 2001. 448 с.
5. О заведении в России фабрик // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. VII. 1725—1727. № 4345. СПб.; 1830. С. 150—151.
6. Кильдюшов О. В. Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 3. С. 9—40.
7. Исхаков Э. Р., Аксенов С. Г. Государственно-правовое регулирование здравоохранения в период правления Петра I // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 4. С. 4—10.
8. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб.; 2011. 544 с.
9. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. СПб.; 2004. 407 с.
10. Филиппов А. Ф. Полицейское государство и всеобщее благо: К истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 328—340.
11. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. провинции 1719—1727. М.; 1902. Т. XVI. 521 с.
12. Нижник Н. С. Полицейское государство — социюридический феномен: характеристика сущностных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Право. 2018. № 6. С. 123—130.
13. Пункты, данные С. Петербургскому Генерал-Полицмейстеру // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. V. 1713—1719. № 3203. СПб.; 1830. С. 569—571.
14. О бытии при заставах учрежденных для предосторожностей от морового поветрия отставным Дворянам, которым по здоровью и увечьям по наряду на службе невозможно // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. IV. 1700—1712. № 2340. СПб.; 1830. С. 649.
15. О соблюдении порядка и чистоты по городу Санктпетербургу и о взимании штрафов за нечищение домовых туб и за продажу в рядах и в других местах порченных съестных припасов // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. V. 1713—1719. № 3210. СПб.; 1830. С. 375—376.
16. О забирании под караул праздновающихся людей // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. V. 1713—1719. № 3212. СПб.; 1830. С. 377—378.
17. О поимке нищих и об отсылке их, по наказанию в прежние места // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. V. 1713—1719. № 3213. СПб.; 1830. С. 378—379.
18. О соблюдении Санктпетербургским жителям каждому против своего двора чистоты и о поправлении мостовой // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. V. 1713—1719. № 3226. СПб.; 1830. С. 586—587.
19. О назначении рынков в Санкт-Петербурге, о наблюдении чистоты торгующим съестными припасами и о ношении ими белых мундиров // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. V. 1713—1719. № 3236. СПб.; 1830. С. 592—593.
20. Васильев А. Н. Правовая традиция в регламентации деятельности московской полиции в первой четверти XVIII в. // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 11—14.
21. Инструкция Московскому Обер-Полицмейстеру Грекову // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. VI. 1720—1722. № 4047. СПб.; 1830. С. 726—736.

22. Инструкция, данная Московской Полицмейстерской Канцелярии // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. VI. 1720—1722. № 4130. СПб.; 1830. С. 796—809.
 23. Об учреждении полиций в городах // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. IX. 1733—1736. № 6378. СПб.; 1830. С. 93.
 24. О хранении прав гражданских, о невершении дел против Регламентов, о невыписывании в доклад что уже напечатано и о имени сево указа во всех судебных местах на столе, под опасением штрафа // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. VI. 1720—1722. № 3970. СПб.; 1830. С. 656—657.
 25. Инструкция или Наказ Воеводам // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. V. 1713—1719. № 3294. СПб.; 1830. С. 624—632.
 26. Инструкция или Наказ Земским Коммиссарам в Губерниях и Провинциях // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. V. 1713—1719. № 3295. СПб.; 1830. С. 632—638.
 27. Регламент или Устав Главного Магистрата // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. VI. 1720—1722. № 3708. СПб.; 1830. С. 297.
 28. Инструкция, или наказ Белгородскому Воеводе // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. VI. 1720—1722. № 3686. СПб.; 1830. С. 267—272.
 29. Инструкция пограничных городов Генерал-Губернаторам, Губернаторам, Вице-Губернаторам и Воеводам о мерах и распоряжениях для недопущения из за границы морового повертия // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. VI. 1720—1722. № 3702. СПб.; 1830. С. 288—289.
 30. Наказ Губернаторам и Воеводам и их Товарищам // Полное собрание законов Российской империи. 1-е собрание. Т. VIII. 1728—1732. № 5333. СПб.; 1830. С. 94—112.
- Поступила 27.02.2023
Принята в печать 28.04.2023
- #### REFERENCES
1. Raeff M. The well-ordered police state and the development of modernity in seventeenth and eighteenth-century Europe: an attempt at a comparative approach to the problem. *American Russian Studies: Milestones of Historiography in Recent Years. Imperial period*. Samara; 2000: 48—79. (In Russ.)
 2. Kollmann N.Sh. Crime and punishment in early modern Russia. Moscow; 2016. 616 p. (In Russ.)
 3. Petrov K. V. Did the Sudebnik of 1497 have the meaning of law in its modern sense? (Regarding the article by S. N. Kisterev “The Grand-Ducal Sudebnik of 1497 and the judicial practice of the first half of the 16th century”). *Essays on feudal Russia*. 2008;(12):365—382. (In Russ.)
 4. Alekseev Yu. G. Sudebnik of Ivan III. tradition and reform. St. Petersburg; 2001. 448 p. (In Russ.)
 5. On the establishment of factories in Russia. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. VII. 1725—1727. N 4345*. St. Petersburg; 1830:150—151. (In Russ.)
 6. Kildyushov O. V. Police as a Science and Politics: On the Birth of the Modern Order from Philosophy and Police Practice. *Sociological Review*. 2013;12(3):9—40. (In Russ.)
 7. Iskhakov E. R., Aksenov S. G. State-legal regulation of health care during the reign of Peter I. *Legal science and law enforcement practice*. 2012;(4):4—10. (In Russ.)
 8. Foucault M. Security, territory, population. St. Petersburg; 2011. 544 p. (In Russ.)
 9. Pososhkov I. T. The book of poverty and wealth and other writings. St. Petersburg; 2004. 407 p. (In Russ.)
 10. Filippov A. F. The Police State and the Common Good: Towards a History of an Ideology. Article one. *Otechestvennye zapiski*. 2012;(2):328—340. (In Russ.)
 11. Bogoslovsky M. M. Regional reform of Peter the Great. Provinces 1719—1727. Moscow; 1902;XVI. 521 p. (In Russ.)
 12. Nizhnik N. S. Police State as a Socio-Juridical Phenomenon: Characteristics of Essential Features in Domestic Police-Legal Theory. *Bulletin of the N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Law*. 2018;(6):123—130. (In Russ.)
 13. Points given to the St. Petersburg General Police Chief. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. V 1713—1719. N 3203*. St. Petersburg; 1830:569—571. (In Russ.)
 14. About being at the outposts established for precautions against pestilence for retired nobles who, due to health and injuries, cannot be in the service along the line. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. IV 1700—1712. N 2340*. St. Petersburg; 1830:649. (In Russ.)
 15. On the observance of order and cleanliness in the city of St. Petersburg and on the collection of fines for not cleaning house tubes and for selling spoiled foodstuffs in rows and in other places. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. V. 1713—1719. N 3210*. St. Petersburg; 1830:375—376. (In Russ.)
 16. About taking vagabonds under guard. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. V 1713—1719. N 3212*. St. Petersburg; 1830:377—378. (In Russ.)
 17. About the capture of beggars and about sending them away, to be punished in their former places. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. V 1713—1719. N 3213*. St. Petersburg; 1830:378—379. (In Russ.)
 18. On the observance by St. Petersburg residents of cleanliness to each against his own yard and on the correction of the pavement. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. V 1713—1719. N 3226*. St. Petersburg; 1830:586—587. (In Russ.)
 19. On the appointment of markets in St. Petersburg, on the observation of cleanliness by those selling food supplies and on their wearing white uniforms. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. V 1713—1719. N 3236*. St. Petersburg; 1830:592—593. (In Russ.)
 20. Vasiliev A. N. Legal tradition in the regulation of the activities of the Moscow police in the first quarter of the 18th century. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014;(5):11—14. (In Russ.)
 21. Instructions to the Moscow Police Chief Grekov. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. VI. 1720—1722. N 4047*. St. Petersburg; 1830: 726—736. (In Russ.)
 22. Instruction given to the Moscow Police Chief Office. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. VI. 1720—1722. N 4130*. St. Petersburg; 1830:796—809. (In Russ.)
 23. On the establishment of police in cities. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. IX. 1733—1736. N 6378*. St. Petersburg; 1830:93. (In Russ.)
 24. On the storage of civil rights, on the failure to execute cases against the Regulations, on the failure to write out what has already been printed in the report, and on the estate of the Sevo Decree in all judicial places on the table, under fear of a fine. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. VI. 1720—1722. N 3970*. St. Petersburg; 1830:656—657. (In Russ.)
 25. Instruction or Order to Voivodes. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. V 1713—1719. N 3294*. St. Petersburg; 1830:624—632. (In Russ.)
 26. Instruction or Order to the Zemsky Commissars in the Provinces and Provinces. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. V 1713—1719. N 3295*. St. Petersburg; 1830:632—638. (In Russ.)
 27. Regulations or Charter of the Chief Magistrate. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. VI. 1720—1722. N 3708*. St. Petersburg; 1830:297. (In Russ.)
 28. Instruction, or order to the Belgorod Voivode. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. VI. 1720—1722. N 3686*. St. Petersburg; 1830:267—272. (In Russ.)
 29. Instruction of the border cities to the General-Governors, Governors, Vice-Governors and Governors on measures and orders to prevent pestilence. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. VI. 1720—1722. N 3702*. St. Petersburg; 1830:288—289. (In Russ.)
 30. Order to the Governors and Governors and their Comrades. *Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st collection. Vol. VIII. 1728—1732. N 5333*. St. Petersburg; 1830:94—112. (In Russ.)